

Александр Адельфинский
Будде моих миров

Стихотворения

Александр Адельфинский

Будде моих миров. Стихотворения

«Издательские решения»

Адельфинский А.

Будде моих миров. Стихотворения / А. Адельфинский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939868-0

В творчестве значительное место занимают размышления о мгновенности и вечности жизни, философских началах бытия, о многомерности Мироздания и личности, параллелизме сущего, о нетленности любви и гармонии, несмотря на условность иллюзорного мира. В данном сборнике — стихи разных лет, часть текстов ранее была текстами авторских песен Адельфинского, сочинившего к ним музыку. Книга персонально посвящена.

ISBN 978-5-44-939868-0

© Адельфинский А.
© Издательские решения

Содержание

Посвящение	7
10 февраля 92 года	8
Виноградник	9
«По золотым волнам сиреневое небо...»	10
Эмигрантская	11
«Самое лучшее – видеть деревья во сне...»	13
«Травы майского покоя...»	14
Ветер	15
«а рифма умерла а снег уже не таял...»	16
«Может, это просто в небе снилось тебе...»	17
Осень	18
Эжени	20
«Голоса звучат во тьме небес...»	21
Жёлтый сигнал	22
«Может быть, на исходе ночи...»	23
«Электричка, кукушка, гризетка...»	24
«Я до слёз полюбил тебя, знаешь? И, может быть...»	25
Пепел	26
«В пять утра, когда наша казарма спала...»	28
«Беспамятство спасительно и явно...»	29
«В мире бесконечно открытых пространств...»	30
Трёхстишия	32
«Ты пройдёшь и не коснёшься...»	35
Детское	36
«На берег реки. Дымно...»	37
Грибные дожди	38
Надпись на книге	39
«Что поделать душе, отлетевшей на зябком рассвете...»	40
Грозовой фронт	41
Санкт-Венеция	42
Третье июля 1997 года	43
«Вода зеркальных ласточкиных крыл...»	44
Линия солнца	45
«...А в зелёной и влажной древесной листве ...»	46
«Средь шума ветреных утех ...»	47
17 ноября 1997 года	48
22 января 1998 года	49
«Тех ненавязчивых творений...»	50
Засада	51
Ужас	52
Тени	53
Декабрь	54
Январь	56
Февраль	57
Март	58
Апрель	59

Май	60
Июнь	61
Июль	62
Август	63
Сентябрь	64
Октябрь	65
Ноябрь	66
Над океаном	67
Полуночные дети	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Будде моих миров Стихотворения

Александр Адельфинский

© Александр Адельфинский, 2018

ISBN 978-5-4493-9868-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение

Пускай гадают иль осудят,
Но не отвечу, речь о ком:
Мой сборник посвящаю Будде,
И Будде Первому притом.
Когда мой мир перевернётся,
Желательно, в нескорый час,
Пусть он прочтёт – и улыбнётся
И вспомнит многое о нас.

С благодарностью.

Автор.

Александр Альфредович Адельфинский.

10 февраля 92 года

На зелёной волне покачался и стигнул во тьму,
А во тьме сигаретный рубин опалает лицо,
А лицо и не ведает, сколько осталось ему,
И чертит сигарета в ночи огневое кольцо.

Огневое кольцо возникает и гаснет, а он,
Композитор полуночи, слышит, как, тихо дыша,
Не желая нарушить его удивительный сон,
Не прощаясь, уходит его молодая душа.

Но уходит не сразу, не вся, а вначале она
На орбите печали мерцает, земное любя,
Оторваться не в силах от этого дивного сна,
Зная мир наперёд и в миру отпевая себя.

Виноградник

Случится вечер, мы придём заране
Из дальних мест, пешком. По выяснению,
Кто пригласил кого и кто по почте
Отправил одинаковые письма,
Заметим, что не клеится беседа,
И сядем ждать какого-то начала.
Хозяин дверь закроет за собою,
И мы услышим, как он странно ходит.
Вот он затих, вот снова появился,
И он меж нас, в руках его корзина
С бутылками вина, и после первой
Он поведёт за дом, где виноградник
Под небом угорелым прорастает,
Весь сам в себя растёт, змеясь упруго,
Подрагивая пыльной листвою.
Вот птица с угловатым серым шумом
Клюёт его, клюёт его с налёта,
Клюёт его ещё, но виноградник
Выбрасывает ветвь, она змеится,
И птица на земле, лоза туда же...
Но мы уже ушли, и стало тихо.
Мы пьём в лесу, далече. Ветер, ветер.
Который час? – Светает. Будто поезд...
Нам ехать в полдень дальше по маршруту,
Как будто в полдень мы уйдём отсюда,
Как будто скоро мы куда уедем.
А было так: листва, и ночь, и ветер,
И мы уснём в ночи, и нам приснится
Звонящий путь по венам; виноградник
Растёт и ловит птиц, и мы влекомы
По венам виноградника за солнцем,
И не проснёмся...

«По золотым волнам сиреневое небо...»

По золотым волнам сиреневое небо
Безумно сплетает нити, зелёные нити,
Что медленно движут колокола.
В синих глубинах сна оранжевая лошадь
Выйдет из мглы, наполняющей шумом дождя,
Уходящего вверх надо мной.
На рассвете заметят, что место просторно,
Где плещется ветер по листьям.
Как сыскать океан,
Где славно ласкается утренний чёлн?
Алыми искрами души по штилю летают.
Где ты найдёшь изумрудного бога,
Усталого править тобой?
Кто успокоит усталого бога?
Призывно трубит глубина...

Эмигрантская

Я уеду в ночь, и оставит память
порванные струны.
Я уеду вдаль, не остановить,
не переиграть судьбу.
Что там было раньше? – Не заговорить
ночью безлунной.
Улетит самолёт, а земля под ним
останется в тишине.
Тишина, когда самолёт летит
между облаками.
Дай ему, Господь, долететь в ночи
до иных огней.
Приземлится он в аэропорту
с гулом и дождями.
Влажный ветер, как сон,
в новом краю
меня овей...

Самолёт, лети домой,
Забери печаль с собой!
Я теперь навек остался,
Я с друзьями попрощался.

Ей не до меня, брошенной земле,
да и новой тоже.
Грустный иммигрант, в мареве дождя
я чего-то жду,
И земля тиха, новая земля,
чем-то так похожа
На другие края, печален я,
и я по ней иду.
Светлый новый дом, подготовь меня
к новому отлёту.
Поживу, и вдруг позовёт апрель
в предрассветный путь,
И, летя, душа примет доброту
горнего полёта, —
Ей тогда всё равно,
откуда лететь
к солнечному дню.

Самолёт, лети, лети,
Мою душу отпусти.
Ты не плачь, душа, зарёю
Между небом и землёю!..

«Самое лучшее – видеть деревья во сне...»

Самое лучшее – видеть деревья во сне,
Вот и качается крона, прохладен твой сон.
Может, остался твой сон, а тебя уже нет.
Самое лучшее – видеть деревья во сне.

Ты уже небо, и слёзы твои далеки —
Вот и проносятся мимо прозрачной грядой
Облак, сияюще тихих и светло немых,
День твой проносится мимо прозрачной грядой.

Это деревья внизу под тобой, а не лес.
В тихом полёте над кронами времени нет,
В тихом полёте – молчание ясных небес.
Ты продолжаешься здесь, но потерян и след.

Что бы там ни было, помни – они тебя ждут.
Только покрепче усни – и начнётся полёт,
Путь вдоль по ветру, без цели, часов и минут,
Вдаль, и услада твоя —
в том, что тебя, кроме ветра,
никто не ведёт...

«Травы майского покоя...»

Травы майского покоя.
В них следы твои змеятся,
Отклоняя вправо, влево
Травы майского покоя.

Ты ушёл иной тропюю,
И о ней не плачет небо
После ливня грозового.
Ты ушёл иной тропюю.

Был иль не был здесь бродивший
Перед тем, как затеряться
Переходом были в небыль?
Был иль не был здесь бродивший?

В этом нет судьбы и боли,
Сожаления и гнева,
Безучастия немого —
В этом нет судьбы и боли.

В травах майского покоя
Ты ушёл иной тропюю.
Был иль не был здесь бродивший?
В этом нет судьбы и боли.

Ветер

Ветер
наполняет моё сознание, только о нём
я думаю в час, когда солнце давит и жжёт.
О ветер золотой, овевающий лики богов
и якоря
тех кораблей, что их подняли, чтобы уйти.
Ветер!

Ты, синеокий и ясный, влетаешь в дома,
где темно;
ты – свидетель зари, обнимающий
дрожь маяков;
ты Землю пронзишь —
и станет ясно Земле,
что взоры звёзд сошлись
на её пути.

Ветер!
Взрывы галактик, материи пульс —
ты.
Несёшься, а время тянется,
чтоб не остаться в долгу.
Мать провожает сына
и долго потом ждёт.
Ей снится, как ветер летит
над его головой.
Ветер!

«а рифма умерла а снег уже не таял...»

а рифма умерла а снег уже не таял
таила ночь огни над полем пролетал
один другой за ним садились я не видел
аэропорт а он конечно был один
и светел кислота и холод и пространство
и светел и один и хорошо земле
земля внутри пуста и холодна поверхность
а рифма умерла а ночь таит огни
земля внутри тиха и маленькая птица
летает и молчит и сядет и глядит
а птице смерти нет летает и летает
в подземных небесах и се тогда я жив
а нынче тоже я а камень камень может
и многое хотя земля внутри тиха
благодаря и се над полем над ангаром
Таила ночь огни. Земля ещё была.
И странно, как на ней и холодно, и снежно.
Летает и молчит, а стены холодны.

«**Может, это просто в небе снилось тебе...»**»

Может, это просто в небе снилось тебе
В час, когда в далёком доме белых ветров
Кто-то, ты не помнишь кто, тебя укрывал
По утрам светлым облаком серебра.

Музыка звучала каждым утром, и ты
С нею просыпался, но за миг до того
Все аккорды повторялись эхом одним,
И ничто не сравнить со звучаньем его.

Так, спокойно и легко, проходят года,
Оставляя в памяти божественный свет,
Что когда-то просиял на юность твою,
И летит за тобою, и плачет вослед.

Может, это просто в небе снилось тебе,
Оставляя в памяти божественный свет.
Все аккорды повторялись эхом одним,
По утрам светлым облаком серебра.

Эжени

Солнце зайдёт через десять минут по моим.
Голову – вверх, посмотри, что за птицы летят
к тёплым краям.

Я не знал,
что так радостно плыть за тобой.

Кем ты была тогда?

Я назову тебя

Эжени.

Эжени! Два дельфина, один горизонт.

Переплывают радиоокеан

умерших звёзд.

Переселение ветра —

это тоже надежда.

У дальнего берега мы разлетимся навзрыд.

Эжени!

Вечная слава, спасибо богам за судьбу.

Боги, наверное, поняли нас, ведь они

стали морем,

А оно

примет всякого, кто позовёт,

Не боится и верит в него,

В море свой взгляд

опрокинет.

Как огонь,

животворный и добрый огонь, —

Добрые крики восторга и курс на судьбу,

прямо в лоно.

Прямо в ночь

уплывают дельфины любви,

Оставляя созвездие Псов

далеко позади,

оставляя...

Эжени!..

«Голоса звучат во тьме небес...»

Голоса звучат во тьме небес.
Дай Бог,
 чтобы ты
 услышал и проник,
Чтобы твой
 ветром прошитый
 лес
К этим небесам
 приник.

Будет всё – волненье и покой,
Краткий мир и долгая борьба.
Не жалею в ночи, что ты такой,
Какова твоя судьба.

Может ли? – я тебя с тобой примирю
Лишь на миг, только ты не горюй.
Нам ведь прожить, вероятно, много лет.
Надо много бед, чтобы излучать свет.

О мой друг, я вижу, ты устал,
И я, значит, нам с тобою в мир идти.
Ты опять во сне поймёшь Христа
И пройдёшь его пути.

А когда с тобой Он станет говорить
О тебе святыя звёздные слова,
Улыбнёшься ты: «Не может быть
Эта
 синева!..»

Может ли? – я
 тебя с тобой
 примирю...

Жёлтый сигнал

Чисто – это без имени, только она —
Мяч упругий зелёного эха из рук.
Окна, синяя чёрным, касались дна,
Им разлетались стёкла, ломая звук.

Двор, и квадратный, и серый, пустой проём,
Слепые окна этажных сырых квартир.
Ходим по гулкой клетке и окна бьём.
В Господе переселенье в нижний мир.

В двадцать один-пятнадцать свет потускнел.
Где-то считало радио от двухсот.
Я оглядел здание, там звенел
Воздух, касаясь пыли остывших сот.

Двое сидели вне, а после ушли,
Двое сидели обнявшись, а как ещё,
Они и я увидели – центр земли
Становится ал на нечет, багров на чёт.

Горела внизу трава, я улетал,
Низко над ней паря и вдыхая дым.
Слева дрожал на чёрном жёлтый сигнал,
Дым ел глаза и делал его двойным.

Вот уже веет водой, и это река.
Бетонная площадь берега освещена.
Стоят автобусы немо, бока в бока.
Бог мой, эта осень тягостна и длинна.

Я вхожу на контроль в сияющий грот,
Там, в глубине, врата и дорога вниз,
Мы последние, скоро закроют вход,
За нами сойдутся стены, падёт карниз.

Бог мой, твои ночи ветрены и длинны!..

В это время железный динамик оглушительно резко щёлкнул и объявил. Небо стремительно светлело и часто-часто пульсировало.

«Электричка, кукушка, гризетка...»

Электричка, кукушка, гризетка,
Продымлённая дымом окраин,
Наконец в темноту уезжает,
Электричка, кукушка, гризетка.
А вокруг беспощадное поле
Недреманной померкнувшей тверди
Ожидает крушенья и смерти,
И молчит беспощадное поле.
Стенки тонкие, плоть ненадёжна,
Полотно – колея водяная.
У кукушки судьба ледяная,
Окна чёрные, плоть ненадёжна.

В поле гадина ходит, и свищет,
И щекочет своей темнотою,
Нехорошей дрянной темнотою —
Это гадина ходит и свищет.
Электричка во мраке заметна
И мерцает в ружейном прицеле —
Это гадина метит без цели,
Ведь электричка во мраке заметна.
Эту тягу и место для пули
Объясняют и цифры билета,
И давление вагонного света.
Это время и место для пули.

И воеет, воеет электричка железная,
Про остановки на пути забывая.
Она усталая, ночная, живая,
Она холодная, чужая, железная!
Электричка, кукушка, гризетка,
Продымлённая дымом окраин,
Полуночную жуть пробегает,
Электричка, кукушка, гризетка.
И костры разложили и греются
В ожидании верной делёжки
Дети голубя, волка и кошки,
Они и ждут, и грядут, и надеются!..

Пепел

*Растаешь, как снег на ветвях.
Небо войдёт в тебя.
Молчание и синева.*

Пепел от снега почти неотличим этой весной.
Я иду аллеей, плывущей никуда.
Этот сон, листьев звон медью стен,
Я совершенно спокоен.
Новый день, светотень, полубред,
Но боли нет.
Я – король, я жду прилива
У моря, над ним звезда была.
Море выпьет всю обиду,
И не разлетится мир.
Море выпьет всю обиду,
И не разлетится
В гомоне галактик
Грешный и наивный мир.

Это как радиомаяки —
Тот, который рядом, и тот, который там.
В море падает дождь или снег,
И тени нет.
Снег ночной над гулким морем.
Ты вспомнишь, как в жизни до тебя
Ты вдыхал чужие звёзды —
И не повторится миг.
Ты ловил на небе звёзды.
В море отразились
Небеса ночные,
А тебе и что с того.

Поймаешь себя на мелодии,
В разных воплощениях, что он напел тебе.
Что с того, что войдёшь или нет
Ты в новый снег.
Или кто-нибудь, такой похожий,
Но только уже совсем не ты,
Пеплом белым растворится:
Мелодия продлится,
И прилив начнётся,
Только не вернёшься ты.
И не разлетится
В гомоне галактик
Грешный и наивный мир.

Может быть, в этот миг
Эхо, оставив берег реки,
Летит над водой в тишине.

«В пять утра, когда наша казарма спала...»

В пять утра, когда наша казарма спала,
Полоумный дневальный пошёл покурить в туалет.
Он увидел сквозь марево льда и стекла —
Почему-то светает, и вида привычного нет.
Он окно продушал и увидел тогда:
Территория части исчезла, и нету следа,
Только лёд метров двести, а дальше вода
Океана, а дальше восходит седая звезда.
Не Солнце, а звезда!
Звезда.

Спи, тебе во сне темно.
Спи, пускай в твоё окно
Светит солнце неземное,
Воду леденит оно.
Скоро всё заметишь сам,
Дашь названье небесам,
Только им не надо этого,
А это нужно только нам.

Дома – нет, океаны порожних миров
Ненамеренно нам выделяют чужие места.
Там чужие восходы, там роза ветров,
А она, как земная, печальна, свежа и чиста.
Вот казарма земных иль небесных солдат,
В неприкаянном сне незаметно уходит стройбат
В Альтаир.
И сияет планета, несущая нас
На воде в этот ранний, освеченный холодом, час.

Спи, тебе во сне темно.
Спи, пускай в твоё окно
Светит солнце неземное,
Воду леденит оно.
Спи, пока твой Бог не спит,
Ты летишь, и Он летит,
Отставая в небе дивном
От замедленных орбит.
На Земле проснётся мать,
Станет с неба сына ждать.
Не волнуйся, мы сегодня
Вышли Бога провожать.

«Беспамятство спасительно и явно...»

Беспамятство спасительно и явно,
Как яблоко в немых метаньях света.
Оно роняет в воду, и стрекозы
Слетаются и крестят торопливо
Плывущего цикадным белым звоном,
Скользящего меж почвой и корнями,
Весенним ветром сорванного с кроны,
Забытого легко, и слава Богу.
Хоть мир манит, но небо побеждает
Пространной синевой и постоянством,
Там ветер, трепет крыл и птичий гомон,
Слепящая механика полёта.
И длится полдень. Знаешь, я смертельно
Устал от утомительной привычки
К усталости. Неволя ледяная
Иль миру не известная свобода
Прейдут, сольются, истончатся, канут,
Останется пейзаж, пребудет воздух.
А мне так жаль живых и уходящих
Тогда, сейчас, и завтра, и вовеки.
Мне жаль тебя, рисующего воду,
Дорогу по водам и путь на небо.

«В мире бесконечно открытых пространств...»

В мире бесконечно открытых пространств
И столь же закрытых душ
Я не ропщу, но печален.

Небо, где незримо ты отражён,
Рябит, и двоишься ты
Меж ним и землёй.

Было: мы читали с тобой слова
Забывших розовых звёзд,
Расположенных по-другому.

Помнишь? Шелестела иная листва,
Собиралась гроза, а зной
Сгущался в пыли дорог.

Помнишь? Задрожала земная твердь,
И над городом вдруг поднялись,
Заметались кругами птицы.

Воды. Волны пахли озоном, травой
И чернели день ото дня.
Берега становились меньше.

Камни. Поутру находили мы
Валуны из глубин морских,
Принесённые штормом к рассвету.

Вечер. Отступило море, штормя,
Собирали в корзины дети
Гадов морских на ветру.

Ночью. Тишина разбудила город.
Замолчали цикады, больше
Мы не слышали их никогда.

Помнишь? Разошлись облака, а там,
В синеве и сиянии дня,
Нависала планета чужая.

В мире бесконечно открытых пространств
И столь же закрытых душ
Замирали наши сердца.

Помнишь? Вот тогда-то поняли мы

Одиночество наше сполна,
Незаслуженность боли.

После наступила, как ночь, немота,
И привычная наша жизнь
Отчуждалась от нас.

Видишь? Мир спокоен, и льётся дождь,
Как тогда, но тогда он шёл
С вулканическим пеплом.

Трёхстишия

Тихо беседуют
Старый дом и тёмная ночь.
Тёмная ночь!

Это птицы меня разбудили
Сквозь приоткрытую дверь.
Какое студёное утро!

Неужели опять
Вполоборота лицо?
Предутренный сон...

Откуда оно,
Это видение моря
Белым осенним днём?

Тоска, – безмолвно промолвишь,
Забыв, как цвели деревья
Твоей отлетевшей весной.

Здесь, далеко от дома,
Навевает печаль
Сон о завтрашнем дне.

Снова тревожит птиц
Алый закатный ветер
Жизни, скользкой влёт.

Звуки дрожащей ночи.
Ведал ли ты о том,
Что станешь таким, как сейчас?

Молод, но стар. Когда же
Вспомню, куда впадают
Улица и трамвай?

Ждали целую зиму,
Когда же прольётся дождь
В самом зените печали.

Растаешь, как снег на ветвях.
Небо войдёт в тебя.
Молчание и синева.

Может быть, в этот миг
Эхо, покинув берег реки,
Летит над водой в тишине.

Полдень и снег. Звезда
Падает из облаков.
Как далеко!

Пусть успокоит тебя
Немое паденье дождя
Утром в тяжёлый снег.

Я всё ещё здесь, – но небо,
И облако в пустоте,
И птицы летают...

Старый ствол айвы
Под жёлтым осенним солнцем.
Скоро пойдут дожди.

Гулкий осенний вечер
Застал меня в поле. Бездна
Криком уток отозвалась.

С моря на город, клубясь,
Мчится туман ледяной.
Холод моей свободы.

Сюда, в долину меж гор,
Тёплый ветер несёт
Бури южных морей.

Во тьме светлячок.
Близко ли, далеко, —
Где он блеснёт сейчас?

Как хорошо остаются
Летние травы – и травы
В миг и после ухода...

...И ушла.
Листьев тени
Мечутся на ветру.

Всё уже сказано мной,
Но продолжается утро
Гулом дневных светил.

Зимний день ледяной.
Где и когда повторится
Птичий морозный гомон?

В море седой травы
Выпит росой
Потерянный гром.

«Ты пройдёшь и не коснёшься...»

Ты пройдёшь и не коснёшься,
Ты уснёшь и не осудишь,
Ночью ты увидишь город,
Дом и сад, в саду деревья,
В доме – мать, она листает
Твой дневник, она печальна,
И печальная улыбка
На устах её поблеклых.
В полусне, ведь это снится,
Ты не скажешь ей ни слова,
Ни добавить, ни прибавить,
Будь что будет,
Будь что будет!

Детское

Яблоневый цвет осыпается,
На ветру бельё колыхается.
Здесь уснут – и не просыпаются,
Здесь умрут, но им всё дышится.
Повторяй слова потаённые.
Был тот дом или нет между кронами?
Пусть твои грехи утомлённые
Бродят под листьями зелёными.
Смерть – она во сне прекращается.
Мама, дом, бельё колыхается.
Сон так сон, душа очищается,
Нет тебя, но ей всё дышится.
Повторяй слова потаённые,
Всё равно слова не услышатся...
Яблоневый цвет осыпается,
На ветру бельё колыхается.

«На берег реки. Дымно...»

На берег реки. Дымно.
Хрустальная жуть: вышло,
Да так невпопад. Берег.
Сентябрь. Пять часов. Вечер.
Здесь легче дышать. Рифма
Нейдёт, знать, оно нужно.
А тень-то моя. Странно.
А где это я? Данность.
А кто это здесь? Птицы.
Молчат и парят в небе.
Парят надо мной в сини.
И всё это так, точно.
И всё это мне. Боже.

Грибные дожди

Там, где блещет крыло небес,
Там, где меркнут добро и зло...
Я хотел бы остаться здесь,
Если б не было тяжело.
Если б не было жалко вас,
Вас, наивных, ранимых, злых,
Вас, не ценящих миг и час,
Вас, не знающих, дорогих.
Дивный край, где пока одна
Жизнь, дарована и проста,
Где не время, а времена
На кресте, и нету креста.
Каждый первый судьбой храним,
Каждый первый не знает, где
Вдруг откроется перед ним
Путь его по ночной воде.
Та вода – она не река,
А ночные грибные дожди.
Ночь – твоя, она глубока,
Предсказуемое «не жди».
Ты не жди прекращения зла,
Ты не жди, мол, утихнет боль.
Нет спасенья, судьба – мила,
Но настолько, насколько соль
Изглагольная – немоты,
Детской жалобы поперёк.
Я ребёнок, ребёнок ты,
И по-детски ребячлив Бог.
Что Ему пустые персты,
Не врачуют души они,
Что Ему отдельное «ты»,
Если Он прерывает дни.
Видишь, сходят грибные дожди
На остывшие души землян.
Виждь – и внемли, и уходи,
Окрещён, позабыт, осиян!

Надпись на книге

К чему же дарственное слово,
Что нам обычаем дано?
Ведь так легко оно готово
И рифмою воспоено.
 Да это нынче будто проза,
 Напишешь: «Вам. На много лет».
 Средь лета знойного, мороза
 Поди читай, не зная бед.
Нет, это слово не напрасно
К концу столетия звучит,
Не безглагольно-безучастно,
А, может, Бог в нём говорит.
 Ведь мы живём, – что наши жизни?! —
 Недолг час, мы недолги,
 И что печали, укоризны,
 Когда столетия шаги
За нами поспешают споро,
И краток миг, и дорог час,
И время праздным разговором
Безмолвно вытесняет нас,
 Хоть наши рифмы так чудесны,
 Смешны, наполнены судьбой,
 Как будто кто-то Там, безвестный,
 Зовёт из облак за собой.
И, вышний зов не замечая,
Пусть все дороги сочтены,
Заварим чай, а после чая
Господние увидим сны.

«Что поделатъ душе, отлетевшей на зябком рассвете...»

Что поделатъ душе, отлетевшей на зябком рассвете,
Ослеплённо увидевшей солнце и солнечный ветер?
В абрикосовом небе иль небе холодно-белёсом —
Серебристо и быстро, скорее, над домом,
над плёсом.

Закругляется город, окраины неразличимы,
Остаётся река городская, всё тоньше и мимо.
Но в оставленном городе сонном никто не заметит,
Как вонзается звёздочка тусклая в дымку и ветер.
В неподвластно жестоком полёте, мигая, сгорая,
Та душа не гадаёт, достигнет ли ада иль рая,
Ведь при жизни земной вертикальный маршрут
не укажут,

А душа, улетающая, не зная, другой не расскажет.
Тут гадай не гадай и читай не читай, хода нету
На твою, ненадолго родную, чужую планету.
И не помнишь растерянно, звёздочка, путь
пролетая,
Как отец был живым да как мама была молодая,
Как однажды, лет в пять или в шесть, ты увидел
с порога
На рассвете звезду по маршруту от дома до Бога.
А затем, как остался один, позабыл, замечая,
Что порою в предутреннем сне замираешь,
взлетая.

«Ты летаешь, а значит, растёшь», – как-то мама
сказала,
Ты не видел звезду, что над нею тогда воссияла!
Да простятся вам, люди, любые грехи и злословье,
С запоздалым «прости», с ненадёжной, недолгой
любовью,
Лишь за то, что, увидевши солнце, и город,
и ветер, —
Что поделатъ душе, отлетевшей на зябком
рассвете...

Грозовой фронт

...А город не знает, что вот издалече
На утлые судьбы, на узкие плечи —
На небе не тучи, а влажные руки,
А мягкие лапы бездонной разлуки.
Затишье над городом. Тише и тише,
Темнее, вернее. Но в подполе мыши
Снуют и беснуются. Что-то неладно,
Ах, что-то на сердце неладно, нескладно.
И город не знает, что здесь, издалече,
Особенный свет и особенный вечер.
Сегодня, не завтра, свершится, случится
Такое, что может присниться – и снится.
И город молчит, а наутро светает,
И всё как обычно, но город не знает,
Что он этой ночью покинул планету.
Проснувшийся город – а города нету!
Но бродят по-прежнему люди. Без тени
Их головы, руки, изломы, колени.
И всё – за чертою, для них обведённой,
И всё – за судьбою, для них отведённой.
Петля широка, нестрашна, незаметна,
Судьба непонятна, судьба безответна.
Петля расширяется. Утром однажды
Планета – без тени, планета – без жажды.
Она, как всегда, на своём вираже,
Не зная, что нету планеты уже.
И ей невдомёк, что вот так, издалече,
На утлые судьбы, на узкие плечи,
Откуда невесть, из вселенной двойной,
Приходит разлука во тьме ледяной.

В наушниках эхом – твоя частота:
«Снижаемся. Облачный слой. Пустота».

Санкт-Венеция

Аспидно-чёрные волны ночных каналов.
Мост, поворот, запах воды и смерти.
Ночью хоронит город своих генералов,
Их отправляя в ад по неверной тверди.
Видимо, эти каналы дна не знают,
Видимо, в центр земли ползут рудокопы,
Вяло водой дыша, в аду продолжают
Рыбы свои тоннели и подкопы.
Сваи оближет соль, понижая остров,
Время разъест гранит, оплавляя камень.
Тоненький треск домов, а плоты погостов
В полночь зажгли костры и плывут за нами.
Мы по каналу вдоль, подавая нищим.
Их глаза в темноте как глаза у кошки.
Масляная вода облегает днище,
Там, под водой, не гаснут тусклые площадки.
Как наверху, так и внизу, пустые
Улицы, города, набережные, тоннели.
Баю, не плачь, дитя, эти слова простые
Хладно вольются в плеск твоей колыбели.
Племя людей воды водных людей рождает.
В аспидно-чёрной воде ночных каналов
Город из праха, к утру отболев, растает,
Похоронив своих несбывшихся генералов.

«Вода зеркальных ласточкиных крыл...»

Вода зеркальных ласточкиных крыл.
Она уснёт, но сон – всё та же явь.
И где, скажи, она бывает чаще,
И где она летает?
Сквозь чёрный зной неведомых светил
Ты хочешь знать. Забудь. Молчи. Оставь
Чужой абрис, и ломкий, и манящий.
И где она летает?
А тьма сгущалась в свет, и он светил.
Не плачь, усни опять, увидишь птиц,
Они летят, куда? Но свет – слепящий,
И где она летает?
Вот так и ты: и видишь, и вода
Зеркальною тропой уходит в небо,
Ты там бывал, но так, как будто не был,
Ты знал, куда...

Линия солнца

Солнце в зените иль гулкая ночь в одночасье.
Знал и бежал иль остался предвидеть последствия.
Видимой нитью она устраняет участие,
Распространяя вослед предсказуемо точные
бедствия,

Линия солнца.

Если подробности мира вокруг очумелые,
Значит, беда, но остаться и жить припеваючи.
Если остаться, то, значит, ловить неумелые
Знаки конца ледяного, её проживаючи,
Линию солнца...

...Город уснул в темноте, но во тьме не приходит
забвение,
Значит, иная судьба, да иные бывают последствия.
Видимо, здесь – не бывать, оттого, продолжая
течение,

Бога не зная, в ночи утверждаются бедствия
Линии солнца.

Линия солнца слепит, не находит ответственных.
Сын или дочь повзрослеет, не зная решения,
Не заслужив полнолунных, невидимых,
бедственных,

Ими не начатых кар, немоты, разрушения
Линии солнца.

«Средь шума ветреных утех ...»

Средь шума ветреных утех —
Лиловый жар светил летящих,
Забывших и ненастоящих
Средь шума ветреных утех.
Лиловый жар светил летящих.
Когда бы знал, когда бы мог,
Но опаляет твой чертог
Лиловый жар светил летящих.
Забывших и ненастоящих,
Но в каждом день и блеск листа,
А ныне тлен и пустота
Забывших и ненастоящих.
Но вырывается из круга,
Подпрыгнув, полосатый мяч,
И площадь прыгает упруго
Средь плача ветреных удач.
И зеркала разбиты, биты,
Пути твои не зачеркнуть,
Когда бессонные орбиты
Зеркально повторяют путь.
А значит, в шуме повторений
И предназначенных утех
Прообразы твоих творений,
Провидя плач, услышат смех.
Средь шума ветреных утех,
Забывших и ненастоящих,
Провидя плач, услышит смех
Лиловый жар светил летящих.

17 ноября 1997 года

Прости меня, опавшая листва,
За то, что ты была живой листвою,
Никто не вспомнит нас листвою живою.
Прости меня, опавшая листва.
А если вспомнит, то забудет вновь:
Его надежды, бездною творимы,
Важнее нас, взлелеяны, любимы,
Так, если вспомнят, то забудут вновь.
Тогда, живя до нового забвенья,
Струитесь, дни, когда любовь хрупка
Полётом поднебесным мотылька.
Тогда живи до нового забвенья.
Но нынче, боль, приди и след оставь
В душе моей тоскующей, томимой
Летящей жизнью, грешной и любимой.
Но нынче, боль, приди и след оставь.
Прости меня, несущаяся жизнь,
За то, что я во тьме мой след оставил,
Обжёг листву и время позабавил.
Прости меня, несущаяся жизнь.
Так, видит Бог, листва наш день творит
Средь вешних дней, что нами днесь любимы,
Но жизнь хрупка и льётся, льётся мимо.
Так, видит Бог, листва наш день творит.
Ты вдаль уйдёшь, а мне тебя так жалко,
Любовь моя, утерянная вмиг,
Потерянная в миг, когда постиг —
Ты вдаль уйдёшь, а мне тебя так жалко.
Цвети, любовь, цвети виной моей,
Терзай, твоё желанье безупречно,
Когда оно жестоко и беспечно.
Цвети, любовь, цвети виной моей.
Видать, Господь тебя благословил.
Даруй тебе божественную волю —
Прощать любви моей земную долю.
Видать, Господь тебя благословил.
Пусть век недолгий мой любовь хранит.
Я знаю, не посмотришь безучастно,
Любовь моя, забвенью не подвластна.
Пусть век недолгий мой любовь хранит.

Прости меня, опавшая листва.

22 января 1998 года

Твои моря безбрежны, как рабы —
Галерники, чей взор подобен бритве,
Но горизонт велик, как если бы
Сгущался гром на острие молитвы
И не гремел. Пускай твои стада
Бредут, не зная броду, чуя воду,
Не ведая, что ломкая вода
Несёт следы к незримому восходу.
Им долгон путь, они ему верны,
Но твой прилив избыточно печален,
Как будто катер, к пристани причален,
Готов ко дну и ждёт крутой волны.
Жестокий берег пьёт чужую соль
И жаждет моря, пусть оно иное,
С приливом лунным впитывая боль
Любви, и страха, и надежды Ноя.
Земля мала для океанских волн,
Да время терпит нас, покуда может,
Но страсть велит и к жизни смерти множит,
Лелея в Боге опустелый чёлн.
Так дай нам силы, эта сторона,
Любить, когда судьбою не любимы,
Когда стремятся к нам, неумолимы,
Иные воли, а сума полна.
Твоя любовь незрима, но верна...

«Тех ненавязчивых творений...»

Тех ненавязчивых творений
Неведом день, но верен час.
Прости смышлёность поколений,
Они забудут, верно, нас.

Великих, тщетных и ничтожных,
С неясной им чужой борьбой,
Младых, невечных, осторожных,
С расчисленной за нас судьбой.

Им невдомёк, как мы любили
И ненавидели, любя,
Как мы творили, были, жили
И изживали в них – себя.

Засада

В одночасье поймёшь: за стеною фасада —
Полночь, темень и дождь, да судьба, да засада.
Не войти, не принять, но натянуты сети,
И движением вспять свищут пыльные плети.

Знать – не значит пройти стороной лихолетье,
Не изведать пути, не принять разноцветье.
Зацветает миндаль – на лихую дорогу,
Отчуждённую даль, ни себе и ни Богу.

Просто скука претит, и борьба неуместна,
И Господь не простит, и пожива нелестна.
В одночасье прости, но за стену фасада
Заходи, ощути, затаилась засада.

Жив ли, мёртв ли, узнай: днесь пришло лихолетье,
Размывается край, недоступно бессмертье.

Ужас

Бледные преемники Мессии...

Если видишь даль багряным оком,
Значит, даль обманута тобой,
Значит, век пропущен и жестоко
Расчленён неузнанной судьбой.

С давних пор, испорченных тобою,
Не рождённым, но зачатым влёт
До тебя расчисленной судьбою,
Ты повинен вдоль и наперёд.

Та вина, вина кровавой грозди,
Не твоя, но косвенно твоя.
Так, вгоняя в плоть тугие гвозди,
Раскалялись нити бытия.

И, вечерним пламенем заката
Лишь на миг разъят, соединён,
Невзначай поймёшь того солдата,
Что пронзил Спасителя копьём.

Тени

Там, где исчезнет наша тень,
Там воссияет день.
Здесь на мгновение, вечность, час
Свет пребывал до нас.

Мы, не они, зачернили дни
Там, где могли они.
Стало быть, надо хранить себя,
Нас легион, любя.

Нас легион, но мала цена,
Так далека она.
Нас зачеркнула немая честь
Там, где надежда есть.

Несправедливо мала цена,
Смертными учтена.
Где же, о Боже, Твоя вина,
Если мала цена?

Декабрь

Полночной птицы зимний крик.
Две тишины за ним сомкнутся,
Крылом надорваны сухим,
Зигзагом тайным и глухим,
Пространства чёрные сольются.
Полночной птицы зимний крик!

Так неуместен твой полёт
В остывшем воздухе жестоком,
Так жизнь твоя, во тьме одна,
Иноприродна и странна
В своём полёте одиноком.
Так неуместен твой полёт!

Твой каждый взмах рождает боль
Иных, невидимых, вселенных,
Возникших за твоим крылом,
Погибших за твоим углом
Крыла в созвездьях отдаленных.
Твой каждый взмах рождает боль!

Всем тем, кто смог, дожить позволь!
У них свои, другие, леты,
Им сочтены другие дни,
Но стерегут, как мы, они
Иносвященные суеты.
Всем тем, кто смог, дожить позволь!

Кто смог, и плачет, и зовёт...
Их Бог устал, и только птица,
Не ведая добра и зла,
В зиме, в ночи земной смогла
Их миг на миг продлить, и длится
Кто смог, и плачет, и зовёт!

Полночной птицы зимний крик.
Он долетит и отразится,
Плутая меж земных домов,
Во тьме заснеженных дворов,
Меж двух небес летает птица.
Полночной птицы зимний крик!

Полночной птицы зимний крик.
Так неуместен твой полёт,
Твой каждый взмах рождает боль.

Всем тем, кто смог, дожить позволь,
Кто смог, и плачет, и зовёт...
Полночной птицы зимний крик!

Январь

Роскошный лепет обречённых,
Январь пресыщенных детей,
В страстях понятных уличённых,
Когда Большие ждут гостей.

Ура, грядёт большая мука —
Спадает с неба новый год,
Его дела, надежды, скука,
Его заведомый исход.

Но, как всегда, фужеры блещут,
И, как в былые времена,
Сердца безгрешные трепещут
Во искупление вина.

Горизонталь заглавий русских
В литературной тишине,
Она пьянит в стихах французских,
Чей перевод силён вполне.

Вот так и далее, но странность
Внезапной тяжести стиха
Напоминает первозванность
Первосвященного греха.

В нестройной пошлости созвучий
И преднамеренности тем
Проходит год, чужой, паучий
И детский, детский вместе с тем!

Февраль

Зима на исходе затверженно длится
И длится, поскольку уходит она,
Вот так же давно позабытые лица
Приснятся – и снятся, а ночка длинна.

Приходят, хотя их давно уже нету,
И нету весны, и зима не вполне,
Как будто бы Бог перепутал планету
И время на время наклеил в окне.

И память о прошлом замёрзла, устала,
И время ещё не скопило вестей
Наташей Ростовской в предчувствии бала,
А сон по дороге отводит гостей.

Вот гости уснули, уснули, уснули,
Им некогда ждать и весны, и тепла,
Им снится, как будет в июле, в июле,
Их летнее солнце сжигает дотла.

Хоть снег настоящий, и холодно как-то,
И так надоело под небом седым,
Им – эхо далёкого бального такта,
Им – поле, февраль и рассеянный дым.

Зима на исходе затверженно длится
И длится, поскольку уходит она,
И наши, давно позабытые, лица
Немеют под ветром от долгого сна.

Март

Февраль надоел, и страница
Перевернулась сама:
Срывается снег и кружится,
Но это уже не зима.

Снежным морским светом
Слетает иная пора:
Утром выходишь одетым,
Днём наступает жара.

То солнце, то ветер промозглый
Рождают особую сладость.
В марте – другие слёзы
И потаённая радость.

Март, как начало вдоха
И предначертанный случай.
Пусть сатанеет эпоха,
Прочие не были лучше.

Март – молоком цельным,
С марта себя хватит.
Завтра придёт отдельно,
Время за всё оплатит.

Ну а пока – можно,
Ну а пока – ладно,
Временно, осторожно,
Истинно и нескладно...

Апрель

Как тебе объяснить эти улицы в солнечных
бликах?
Где-то море обещано и разливаются
воды.
Отражается (море обещано) в уличных
ликах
Час полуденно сонной и нервной апрельской
свободы.

Ни строки! Шаг за шагом, а день
продолжается ночью.
Путешествие к морю; на поезде;
рельсы по пляжу;
Вдоль по морю, неважно; не куплен билет —
не просрочен
И действителен днём, а куда —
и не спросится даже.

Май

Не верится, но каждый вдох напомним,
И травами, и синевой наполнит,
Машинами и запахами дня
Весенний свет замучает меня.
 Как будто я, но это было раньше,
 Не здесь, а где-то севернее, дальше,
 Мне десять лет, но я – не я, а он,
 И с папой мы идём на стадион.
Звонят трамваи громко и красиво.
Мороженое – мне, а папе – пиво.
Народу – тьма, команды – высший класс,
И мы на стадион войдём сейчас.
 Футбола интересней в мире нету.
 Вот дяденька чужой берёт газету.
 Чтоб лысину прикрыть, – подумал я.
 В газете – про Испанию статья...
А после матча дождь пролился сильный,
Особенный, короткий и обильный.
Я проглядел последний, лучший, гол,
Но ничего, пойду играть в футбол.
 Так вечер незаметно наступает,
 И нас домой зовут, и засыпает
 Моя Москва, и я тогда уснул,
 Легко уснул, как будто ускользнул...
...Бог весть когда. Бывает же такое:
Я в мае не своей живу судьбою,
А до или после нас, живее нас,
В чужой и яркий безымянный час.

Июнь

Поиски лета. Кажется, где-то будет
Летняя правда, истинная реальность,
Только она ли? Только не думай втуне,
Как неготовы люди,
Как неприютны люди
В поисках лета.
Летняя правда долгой зимой искрилась
И зеленела, маялась да казалась,
Но не узнали в тёплом раю июня
Божию эту милость
Лучшую эту милость,
Летнюю правду...

Не потеряй в июне лета,
Оглянешься – и где оно?
Так воздух веется согретый
Зимой в открытое окно.
И не спеши проститься с ним,
Блестящим, влажным и зелёным,
Грозою синей утолненным, —
О, не спеши проститься с ним!

Он может, испугнутый тобой,
В суетной доле затеряться,
Увяднуть и не повторяться,
Жестоко раненный тобой.
Не потеряй в июне – лета,
Когда оно тебе дано,
Когда струятся волны света
В твоё открытое окно!

Июль

Прееет бездарный июль, опрокинутый слепо
Дачами, отпуском или к нему подготовкой,
Ночью протяжной, вознёй комариного крепа,
Блеклой по осени, яркой, никчёмной обновкой.

Вина креплёные – жарко, пивка бы напитокся.
Звякнули, встретились, свиделись, поговорили.
Где-то кого-то нашёл и надумал влюбиться.
Ишь ты поди ж ты, ну ладно. Ну, вместе.
Ну, были.

Боже! Лазоревым раем, затерянным летом,
Отблеском, памятью – то, что сегодня творится!.. —
После, потом. А сейчас, и не там, и не где-то
Хочет июль позабыться. И не повториться...

Август

Собирается дождь.
Пахнет пылью, листвой и озоном,
Будто плачем.
Ночью пели сверчки, а утром
Было знойно, и солнце катилось
К дождю, выжигая траву.
Две цикады,
То одна, то другая, то вместе —
Это пульс уходящего лета,
Что вздохнуло, как пена морская,
И, похоже,
Начинается выдох.
Было море,
Потаённое, под облаками,
Но недолго.
Тем краям, где мы бывали,
Словно тени на земле:
Оставайтесь!
Собирается дождь,
Пахнет пылью, листвой и озоном,
Будто плачем.
Пусть слова твои забыты,
Но останется мотив,
Он продлится дальше, дальше
В грозные облака —
Так и надо.

Сентябрь

У станции сонной сближаются где-то
Два старых железнодорожных пути,
Вот так незаметно кончается лето,
По шпалам ещё продолжая брести.

Положено, значит, дороги сойдутся,
Железом к железу прильнут, а пока
Две птицы над рельсами вьются и вьются;
Не август уже – и зима далека.

Тепло, и цикады звенят, невелички,
Соломенный звон беспечально поют.
По осени в мире другие привычки —
Дожди, да зонты, да очаг, да уют.

Сентябрь до заката тяни, до рассвета,
Ведь, если упустишь, не сможешь найти,
И помни, что сходятся, сходятся где-то
Два старых железнодорожных пути.

Октябрь

Горы дальние видны – и трубят,
Трубы осени тревожат листья.
Кроны дрогнут, опадут, видно, ты
Сам не знаешь, что печалит тебя.

Трубы осени – своя частота,
Не услышать, не найти имена,
Эта музыка – листве, а не нам,
Оглушает, изменяет цвета.

Но подвластны мы законам одним,
И, когда большие трубы трубят,
Ты созвучен, ты один – вместе с ним,
Трубным голосом, зовущим тебя.

Ноябрь

Первый снег, до того как выпадет,
Долго землю томит и ждёт.
Дождь последний паршиво выглядит:
Слякоть, изморозь, гололёд.
Может солнце светить, но кажется
Ослепительно неживым.
Ясно солнышко покуражится
Средь рентгеновской синевы.
То потухшего, то блестящего —
Двух стихий невозможен свет.
Так и хочется настоящего,
Настоящего-то и нет.

Мы взлетаем ненужным вечером.
Отморожен, жесток и горд,
В час, когда оставаться нечего,
Опустелый аэропорт.
Помолиться – но слово грешное
Поднимает немую пыль.
Прогревает нутро потешное
Сизокрылый автомобиль.
Разбежится он и поднимется
В угасающий долгий день.
Что прибавится? Что отнимется?
Что случится? Подумать лень.

Но маршрут роковой и бедственный,
Вот начнётся у нас полёт,
Громко к чёрту пошлёт ответственный
Наш отец-командир, пилот.
Дело в том, что вдали скрывается
Над землёю, пустой, как блин,
Нас, единственных, дожидается
Самолётный гудящий клин.
Потому что давят навязчиво
То дожди, то холодный свет.
Так и хочется настоящего —
Настоящего-то и нет.

Первый снег, до того как выпадет,
Долго землю томит и ждёт.
Дождь последний паршиво выглядит:
Слякоть, изморозь, гололёд.

Над океаном

Облачных крыл океан. Птицам не больно.
Над океаном воды в океане небес
Птицам не больно.
Ветрено имя твоё. Людям не больно.
Отъединяя себя, от себя уходя, —
Людям не больно.
...Где же есть имя твоё? Над океаном.
Мы исключительно те, где мы есть, где бы ни, —
Над океаном...

Полуночные дети

Не мяч разбил стекло —
Солёный зимний ветер.
Уверенность невежд
На Боже сохрани
Спасёт решительно.
Не знать простительно:
На берегу они,
Зимы и моря меж,
Полуночные дети,
И время подошло.

Неслышна их игра,
Невидимы их лица
И ледяная тьма
Движений на ветру
У шторма самого.
Не будет главного.
Замёрзнут да замрут
Прибрежные дома,
И нам в домах приснится
Недетская игра.

Приснилось и ушло.
Забылось – и не верьте.
Отверженные сны,
Они пугают нас
Развоплощённостью.
Отдельный день погас,
Мы разъединены,
Полуночные дети,
Хоть нам во тьме светло.
Не мяч разбил стекло —
Солёный зимний ветер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.